

Юэ Ли не только выкрал одеяло, но и по пути разузнал немало сплетен о собственном генерале.

Вчера Император во всеуслышание признался в любви к мужчине, и слух о том, что Наложница Сюань вернулась к себе в слезах, жалуясь на тайного любовника — Генерала Чанпина, — разлетелся по всему городу. Услышав это, Юэ Ли лишь громко выругался: какой еще тайный любовник?

Генерал, который в свое время заставлял северо-западные племена рыдать от ужаса и чье имя в народе превратилось в синоним чудовища, от которого дети плачут по ночам, — если он хоть как-то мог быть связан с подобным словом, то сам Юэ Ли, здоровяк с кулаками как у быка, мог бы хоть сейчас надеть свадебное платье и стать невестой.

Однако совсем недавно во Дворце Дунхуа, когда Император с праведным гневом отчитывал Чи Линя и говорил о страданиях воинов на границе, Юэ Ли, проникшись его словами, едва не прослезился и полностью изменил свое мнение о правителе. Никто не может измениться за одну ночь, если только до этого не скрывал свое истинное лицо.

И раз уж Император так долго притворялся, то зачем сейчас раскрыл свои карты? Цель могла быть только одна — защита генерала.

Неужели слухи, дошедшие от Наложницы Сюань, правдивы? Император не интересуется женщинами, а его избранник — генерал?

Для Юэ Ли это было подобно грому среди ясного неба.

Разве Император всегда не считал генерала бельмом на глазу? Как он мог так внезапно влюбиться? Юэ Ли ничего не понимал, но был потрясен до глубины души.

Впрочем, это было еще не все. Куда более шокирующие события ждали его впереди.

Как только чиновники закончили обсуждение дел, генерал первым бросился к Императору, чтобы поддержать его. Мало того, он лично сопровождал его в паланкине до самого дома.

И Цунчжоу окинул Юэ Ли взглядом, полным презрения:

— Если будешь и дальше молоть чепуху, отправишься обратно на северо-запад и будешь целый месяц тренировать новобранцев.

Юэ Ли, терзаемый странными предчувствиями, вернулся во внутренний двор. И Цунчжоу вышел из спальни и негромко приказал:

— Как можно скорее застели постель.

Что происходит? Еще несколько дней назад, когда они возвращались в столицу, оба были холостяками. Откуда за такое короткое время у генерала взялся возлюбленный, да еще и отвечающий ему взаимностью?

В народе говорят, что в темноте все жены одинаковы, но Император еще в юности был изуродован Регентом и столько лет носил маску — наверняка он страшный как смертный грех.

Юэ Ли хотел было что-то сказать, но И Цунчжоу приложил палец к губам и жестом пригласил его в кабинет.

—

Юэ Ли замялся, почесал затылок и, решившись, осторожно спросил:

— Генерал, по дороге сюда я слышал, как две служанки обсуждали, что вчера в Беседке посреди озера Император обнимал вас. Говорили так уверенно, будто сами видели.

И Цунчжоу ответил холодно:

— Обнимал.

Юэ Ли вздрогнул.

— А лицо Императора? Говорят, он даже в зеркало боится смотреть. Не будем же мы каждый день видеть маску.

И Цунчжоу невозмутимо посмотрел на Юэ Ли.

— Что? — И Цунчжоу нахмурился.

Юэ Ли:

— ...

Матушка моя, спаси и помилуй, это просто кошмар какой-то.

Юэ Ли:

— Я же говорил, что это невозможно... Что!

С того места, где он стоял, были видны только струящиеся, как вода, длинные волосы, спадающие с кровати, а больше ничего разглядеть не удавалось.

Картина выглядела пугающе, и Юэ Ли поспешил убраться прочь. Выйдя на улицу, он чувствовал себя так, будто бредит во сне.

Юэ Ли нервно расхаживал перед боковой комнатой. Прождав добрых полчаса, он бросился к вышедшему И Цунчжоу.

— А еще говорят, что Император лично кормил генерала ягодами янмэй, как же это может быть...

Генерал не из тех, кто легко отпускает того, кто пришелся ему по душе. Похоже, он решил нырнуть в омут любви с головой, так что придется воздействовать на Императора.

Император, вероятно, польстился на внешность генерала. Нужно предупредить его, насколько страшен генерал на поле боя, чтобы отвадить правителя.

После долгого ожидания И Цунчжоу наконец вышел. К ужину Ван Си прислал еду из императорской кухни. Юэ Ли сунул ему золотой слиток, чтобы тот провел его первым.

Ван Си пытался разбудить Мо Ина, но тот никак не просыпался. Когда они уже не знали, что делать, вернулся И Цунчжоу.

— Господин Ван.

И Цунчжоу вошел в комнату и, заметив Юэ Ли, угрожающе прищурился.

Поскольку вокруг было много людей, он не стал устраивать сцену, но, подумав о том, что парень на кровати ничего не ел целый день, решил, что тот должен поесть, прежде чем спать дальше.

Он подошел к кровати и тихо проговорил:

— Император, просыпайтесь, пора ужинать.

Юэ Ли про себя усмехнулся: невозможно, его не разбудить, Ван Си уже битый час старается.

Но вдруг раздался мягкий сонный голос:

— Цунчжоу? Не хочу, спать хочу.

Юэ Ли: ...

И Цунчжоу тихо прошептал что-то на ухо.

Обладать такой силой — совсем не преимущество. Хотя генерал говорил тихо, Юэ Ли все расслышал.

Генерал сказал: — Но я проголодался, разве Император не составит мне компанию?

Юэ Ли похолодел от ужаса, услышав жалобные нотки в голосе И Цунчжоу. Это что, легендарное кокетство?

На самом деле тон И Цунчжоу был лишь немного мягче обычного, но для него такая мягкость была настолько редкой, что Юэ Ли счел это не просто кокетством, а настоящим жеманством.

— М-м, тогда я поем с тобой.

Ван Си вошел в комнату, чтобы помочь переодеться, но, дойдя до ширмы, вдруг вздрогнул и попятился, словно испугавшись.

Юэ Ли, пребывая в полном недоумении, услышал из-за ширмы шорох одежды и голос генерала:

— Подними руку.

Ван Си повел остальных накрывать на стол, а Юэ Ли остался стоять в растерянности. Генерал умеет помогать переодеваться?

Стоя на улице, он впервые в жизни усомнился в реальности происходящего: Кто я? Где я?

Мо Ин вышел вслед за И Цунчжоу, громко зевая. Он все еще не мог открыть глаза и с трудом разбирал дорогу. Увидев перед собой высокого, статного маленького суккуба, он по привычке схватился за его рукав и прислонился к его плечу.

— Я только прислонюсь, если тебе тяжело, скажи мне.

Юэ Ли: ? От такого веса генералу может быть тяжело?

Услышав шаги, он поднял глаза и застыл в изумлении.

Юэ Ли всегда считал, что самый красивый мужчина в мире — это И Цунчжоу, а любой другой рядом с ним будет выглядеть жалко. Но сейчас, когда Император шел рядом с генералом, все внимание было приковано к первому.

Шелковистые темные волосы падали на плечи, подчеркивая ослепительно белую кожу. Он был прекрасен, словно не человек, а видение. Длинные ресницы отбрасывали тень на полужакрытые веки, алые губы чуть приоткрылись, а изящный подбородок был слегка приподнят, обнажая длинную тонкую шею.

Но дело было не только в красоте. В каждом его движении была какая-то особая магия, приковывающая взгляды. Вот и сейчас, улыбаясь и прильнув к генералу, он выглядел таким довольным, словно сорвал куш — в его облике сочетались детская непосредственность и лукавство.

Сердце Юэ Ли бешено заколотилось. Он глупо улыбался Мо Ину, не замечая, что лицо И Цунчжоу рядом почернело от гнева.

Слишком прямой взгляд смутил Мо Ина. Он приоткрыл один глаз, увидел застывшего в дверях Юэ Ли и сонно моргнул:

— Цунчжоу, это твой заместитель, верно? Как его... Юэ Ли? Он будет ужинать с нами?

Юэ Ли: Император... он только что подмигнул мне, это же просто невыносимо!

Он покраснел и кивнул, но тут И Цунчжоу отрезал:

— Он не будет, он уже поел.

Юэ Ли подумал: какое там поел, я крошки во рту не держал! Он взглянул на И Цунчжоу, чьи глаза горели опасным огнем, и почувствовал, как всякий романтический настрой улетучился:

— Да-да, уже поел.

Он поспешил удалиться, но на полпути обернулся, решительно кивнул И Цунчжоу и показал кулак, мол, действуй.

И Цунчжоу: ...

— Твой заместитель такой простодушный, — сказал Мо Ин, снова зевая.

И Цунчжоу:

— Обычно он простоват, а сегодня у него будто мозги водой залило.

Услышав, как Мо Ин говорит о Юэ Ли, он почувствовал досаду и захотел отстраниться, но стоило ему пошевелиться, как тыльная сторона его ладони вдруг зачесалась.

Мо Ин, склонив голову, прислонился к нему, и несколько прядей волос коснулись его руки.

И Цунчжоу замер. Его рука, покрытая мозолями от меча, неловко дернулась, приглаживая непослушные волосы Мо Ина.

— Я — Молодой господин, не смей трогать меня за голову, это я должен тебя гладить, — Мо Ин, недовольный тем, что все вокруг выше него, потянулся к черной ленте в волосах И Цунчжоу.

Но он был слишком расслаблен, и, когда И Цунчжоу двинулся вперед, он потерял равновесие и схватился за ухо генерала.

Оставшись без опоры, он подался вперед, и рука невольно сжала ухо И Цунчжоу.

Генерал тут же обхватил его за талию, но ухо уже было ущипнуто.

Было лишь легкое покалывание, а следом — жар, зуд и онемение.

Затылок И Цунчжоу пронзила искра, дыхание сбилось.

А виновник, ничего не заметив, снова прислонился к нему и потер глаза:

— Цунчжоу, не иди так быстро.

Словно каприз или мольба — И Цунчжоу невольно замедлил шаг.

Когда они дошли до столовой, Мо Ин все еще висел на нем. И Цунчжоу, скрывая раздражение, слегка встряхнул его.

Ответа не последовало. Он взглянул и понял, что Мо Ин снова закрыл глаза.

Прислонившись к его руке, он выглядел таким беззащитным.

И Цунчжоу решил последовать его примеру и дернуть за ушко, чтобы разбудить, но, едва коснувшись, отпрянул, испугавшись нежности кожи.

В его глазах бушевала буря. Сделав глубокий вдох, он сухо произнес:

— Ешь.

— М-м. — Мо Ин сел за стол, взглянул на Ван Си и приказал: — Ван Си, прислуживай снаружи, не... не смей входить. Сегодня я останусь у Генерала Чанпина, а завтра вернусь во дворец.

Рука И Цунчжоу с палочками замерла.

Разве можно сказать такое, просто собираясь спать? Его намерения были очевидны. Этот демон действительно бесстыден, он жаждет его и хочет творить что хочет.

И Цунчжоу должен был почувствовать себя оскорбленным, вскипеть от ярости, но вместо этого ощутил лишь странный жар.

Он и представить не мог, что Мо Ин не хочет возвращаться просто потому, что это хлопотно, и он мечтает поскорее поесть и завалиться в постель.

Ван Си ушел. Мо Ин взял палочки, съел полкусочка и снова начал клевать носом.

И Цунчжоу несколько раз звал его, и каждый раз Мо Ин съедал по чуть-чуть.

Вокруг никого не было. И Цунчжоу, глядя на сонного Мо Ина, внезапно спросил:

— Молодой господин?

Мо Ин резко открыл глаза:

— М-м, почему не ешь? Не нравится?

И Цунчжоу кивнул на рыбу с османтусом:

— Невкусно.

— Не может быть, очень даже вкусно, — Мо Ин взял кусочек. — Повар отлично готовит.

И Цунчжоу покачал головой и указал на суп из ласточкиных гнезд:

— И это тоже.

Так он указывал на каждое блюдо, и понемногу, по кусочку, стол опустел.

Если бы здесь был Юэ Ли, он бы снова поразился методам генерала — неужели так можно уговорить человека поесть?

Мо Ин же ничего не заметил, решив, что И Цунчжоу просто привередлив, и положил ему в чашку то, что показалось ему самым вкусным:

— Ешь больше.

Стол был большим, приходилось тянуться, и они оказались совсем близко. Свободные волосы Мо Ина снова коснулись руки И Цунчжоу.

Рука чесалась невыносимо, но он лишь стиснул зубы, не смея почесать.

И Цунчжоу, страдающий от яда гу, всегда имел плохой аппетит, но, чтобы избежать прикосновения прядей, он начал есть без остановки.

В тарелке, которую пододвинул Мо Ин, оказалась его самая нелюбимая свиная печень, но он, даже не глядя, запихнул ее в рот.

Наспех доев, он почувствовал, что зуд немного утих, и повел Мо Ина в спальню. Тот почти не шел сам, почти висел на нем, что было еще бесстыднее, чем по дороге сюда.

Уложив его в постель и закончив с умыванием, И Цунчжоу собрался уйти, но полусонный Мо Ин ухватил его за рукав.

Сердце генерала тревожно сжалось.

— Цунчжоу, где ты будешь спать? Кровать широкая, можешь лечь со мной, я не займу много места.

Ну вот, началось. Придумал такой благовидный предлог, а на деле — просто жаждет его тела. Какие там места, это все мужские уловки.

И Цунчжоу холодно ответил:

— Не нужно.

Едва он договорил, как услышал ровное дыхание Мо Ина.

— ... — И Цунчжоу почувствовал досаду, смешанную с разочарованием, которое сам не мог объяснить.

Он не без горечи подоткнул одеяло, глядя на его спящее лицо, и вдруг тихо спросил:

— Молодой господин, как тебя зовут?

Мо Ин даже во сне услышал вопрос и ответил:

— Мо Ин. Мо — как чужой, Ин — как тень. Запомни, маленький суккуб.

Вот оно что — Мо Ин.

И Цунчжоу молча повторил это имя про себя.

Выйдя из комнаты, он посмотрел на свою левую руку и наконец накрыл ее правой.

Юэ Ли, прокрадываясь в темноте, увидел это и спросил:

— Генерал, почему вы все время чешете руку? Комар укусил? У меня есть мазь.

И Цунчжоу спрятал руку за спину:

— Не нужно.

Юэ Ли кивнул и украдкой вытащил тяжелый сверток.

И Цунчжоу не взял его:

— Что это?

— Хорошая вещь, генерал. Это касается вашего счастья на всю оставшуюся жизнь, — Юэ Ли почесал затылок. — В гареме жесткая конкуренция, нужно упорно тренировать мастерство, я могу помочь лишь этим.

Сказав это с самым серьезным видом, он положил сверток на стол:

— Я всю ночь прождал, пока откроется книжная лавка. Здесь всё самое лучшее, генерал, я верю, что вы сможете крепко держать Императора в своих руках!

Сказав это, он тут же испарился.

И Цунчжоу с сомнением открыл сверток — внутри лежала стопка толстых книжек с картинками, эротика в стиле Лунъян.

— ...

<http://bllate.org/book/18645/1796313>